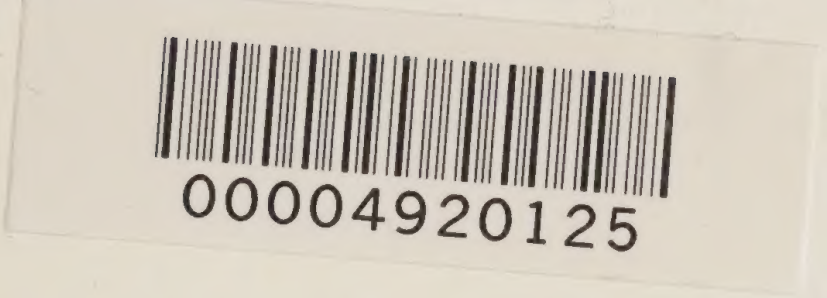
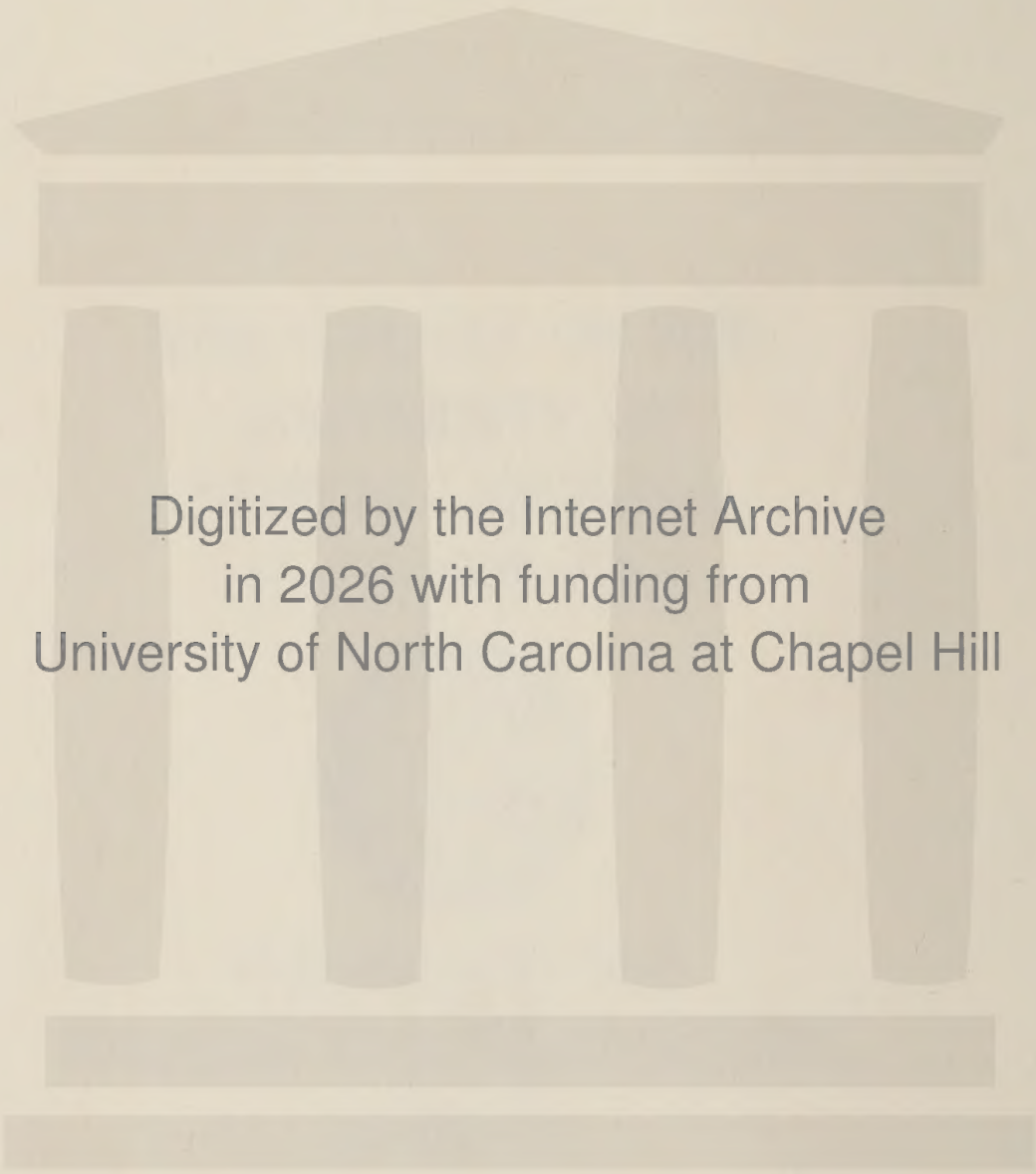
PG3467
.I 3
A6
1919

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3467
.I 3
A6
1919


00004920125



Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/stikhotvoreniiai00iasi

ИХОТВОРЕНИЯ

Иер. ЯСИНСКОГО

(1870—1919)

ШЕСТОЕ ИЗДАНИЕ

ПЕТЕРБУРГ, 1919

02/88

Иер. ЯСИНСКИЙ.

ИНТРОДУКЦИЯ.

Забытый дремлет стих в тиши закатных лет,
И не касается волшебных струн поэт:
Его творения чуждаются огласки,
И кисти брошены, и блеск теряют краски.
Но вдруг, сквозь сумрак снов, сквозь дрогнувший
туман,
Жемчужно-светлых грез сверкающий фонтан
Взлетает к небесам и звонкими стихами
Перекликается с воскреснувшими снами.

Смольный, 1919.

ee
c
PG3467
.I3
A6
1919

Стихотворения

Кер. Ясинского

(1870—1919)

ШЕСТОЕ ИЗДАНИЕ

STIKHOTVORENIIA
1870-1919

ПЕТЕРБУРГ
1919

LIBRARY
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
CHAPEL HILL

17-я Государствен. типография, 7-я рота, 26.

СТИХОТВОРЕНИЯ.

ЗВЕЗДЫ.

Бурлит и ропщет водопад:
Не видит звезд в лазури дальной.
А звезды вечные горят
В реке глубокой и зеркальной.

Чернигов, 1870.

ЭЛЕГИЯ.

Пред нею, как во снѣ, ряд бледных лет мелькал;
Она чуждалась всех с загадочной тревогой;
И грустных глаз ее никто не целовал,
И очерк губ ее был девственный и строгий.

Когда на праздники отец сзывал гостей,
Гремела музыка, и зал шумел старинный—
Кто мог бы прочитать во тьме ее очей,
Какой огонь горит в ее душе невинной?

Есть бледные цветы, в себе они таят
Небесные дары—всю ночь благоухают
В застенчивой красе и млеют, и грустят
И, до зари томясь, бесследно отцветают.

Блистая прелестью минутной красоты—
Мечты моей одна печальная отрада—
Она жила, как тѣ стыдливые цветы,
Увядшие в глуши запущенного сада.

1873.

ПОЭТУ.

Светлых мгновений
В жизни печальной
Ищет твой гений.
Сон идеальный
Он облекает
В яркие краски.
Он увлекает
Прелестью сказки.
Нежен, как счастье,
Грозен, как битва,
Весь он—участье,
Весь он—молитва.

1886.

ПОРТРЕТ.

Бесцветные приглажены седины
И, как ножом, прорезаны уста;

Неглубоки чела его морщины
И, верю, совесть у него чиста.
Погас в его глазах самодовольных
Огонь божественный—не знает он
Высоких дум, страшится мыслей вольных,
И жизнь его течет, как легкий сон,
В тумане праздном тихих вожделений,
Без грез молитвенных, без сновидений.

1886.

ФАВН.

Весело звонкий ручей
В роще тенистой бежал.
Образ—неведомо чей—
В зеркале влажном дрожал.

Образ был светел, как день.
Женственной прелести полн—
Нежный и томный, как лень
Сладостно дремлющих волн.

Взор его кротко мерцал.
С тихой улыбкою он
Юность свою созерцал,
В грезы свои погружен.

Шумно раздвинув тростник,
Бурно к чертам неземным
Фавн сладострастный приник...
Образ растаял, как дым.

Образ стыдливый исчез,
Резвый ручей опустел—
Трепетный холод небес
В нем только фавн подсмотрел.

1886.

ВАЛЬС.

Огнями дом сиял. Красавиц рой,
Блистая плеч молочной белизной,
Как белый вихрь, по зале мчался бальной—
И вальс звучал и страстный, и печальный.
И пары все кружились, и потом
Слабел их бег в томлении немом.
Все вальс звучал, все музыка гремела,
А в окна ночь осенняя глядела.
Пустынный сад во мраке утопал,
Тревожно вихрь в аллеях пробегал,
И вальс туда чуть слышный доносился,
И мертвый лист в ненастной мгле кружился.

1874.

ТУМАННЫЕ ДНИ.

Туманные дни—
Тоскливые тени.
Тоскливей они
Немых сновидений.
Мы в доме одни,
Не ждем посещений.
Но кто это там?
Плетется неясный,
Ползет по горам
Дорогой опасной.
Не к нам ли, не к нам?!!
Нет: призрак безгласный.

Хопе, 1915.

ДАВНЕЕ.

Тучи хмурились. Но лунный
Засиял вдруг в полночь день,
И в аллее друг мой юный
На песок отбросил тень.

В блеске лунного сиянья
И улыбок, грез и слез
Светлый час погас свиданья
Под шатром немых берез.

Киев, 1876.

БЕССОННИЦА.

Медленной стопою
С страшною косою,
Без лица, без глаз,
В полуночный час,
Сумрак рассекая,
Мрачная и злая,
Гостья к нам идет—
Нас она зовет.
—„Гостья, ради Бога,
Подожди немного,
Дай соснуть часок“...
—Выспишься, дружок.

СПб., 1901.

ТЕНЬ.

Угасает солдат,
Исходит кровью,
И ангелы стоят
У изголовья.
Ангелы—светлый день,
Подушки—травы.
А смерть над ним—как тень
Победной славы.

Макреалы, 1915.

МОРЕ.

Даль морская синеет.
Караван облаков
На востоке белеет.
Здесь и там рыбаков
Ненадежные челны,
Словно чайки, скользятъ—
И ленивые спят,
Спят ленивые волны.

Но подул ветерок,
И нахмурилось море.
И чернеет восток.
И на грозном просторе
Вал, вздымаясь, идет,
И серебряной пеной
В берег каменный бьет.
Море дышет изменой.

Одесса, 1888.

ДАЧА.

Те же вазы и куртины,
Те же сосны, тот же сад—
Беложелтые жасмины
Разливают аромат.

Но терраса опустела,
Где старуха целый день
В кресле кожаном сидела,
На цветы бросая тень.

И в очки подстерегала
Внучку с дачным женихом
И ворчала, и вздыхала
О погаснувшем былом.

Соловей поет негромко,
Словно бредит соловей.
И мелькает незнакомка
В светлом сумраке аллей.

Друскеники, 1909.

ПОЛНОЧЬ.

Полночь бьет... Луна плывет
Над зеркальным мраком вод
В свите томных сновидений—
И бегут за ними тени;
А внизу в немых садах,
В душных кущах реет страх,
И под дымкою тумана
Шепчет серебро фонтана...

Петергоф, 1889.

ОГОРОД.

У ветхого крыльца змеится повилика,
И свой узор плетет зеленый хмель.
Как звездочка, блестит в густой траве гвоздика,
И над цветком летает пестрый шмель.

Расцвел меж диких роз нарядный мак в сторонке,
И окаймлен укропом огород.
И спеющий арбуз прилежно усик тонкий
Вокруг стеблей подсолнечника вьет.

С безвестною травой здесь овощи в союзе—
Здесь нет войны и не было давно:
Как меч, пылится лист на стройной кукурузе,
Скрывающей, как перл, свое зерно.

Когда роса, дымясь, встает над огородом
И заревом зардеется восток—
Мне чудится, что полн таинственным народом
Заброшенный цветущий уголок.

Перед окном моим вчера всю ночь толпились
Немые тени с тихою тоской.
Здесь духи мирные, быть может, поселились
И стерегут мой сон и мой покой.

Ярошовка, 1886.

Я ЛЮБЛЮ ИХ.

Лишь таинственной истомой
Сон глаза закроет мне,
Я уже в стране знакомой,
В странно сумрачной стране.

С синих гор на берег темный
Я спускаюсь и иду,
И вхожу я в домик скромный
В лавро-розовом саду.

Как от жизни я далече!
Я в семье туманных грез.
Ах, какие слышу речи,
В них какая горечь слез!

Радость смешана с упреком,
И в движеньях бледный страх;
Грусть в глазах о том далеком,
Что покинул я в горах.

Я уйти хочу—не смею;
Что ни тень—родная дочь;
Я люблю их и жалею
И пирую с ними ночь.

Тифлис, 1915.

КОНЕЦ ДНЯ.

Над бледной далью плывут
Хилые бледные тучи—
Стелется сумрак ползучий,
День завершает свой труд.

Хлеб заработан насущный
В каторге черных забот.
Что-то нам ночь принесет?
Людям и ангелам скучно.

Плещет уныло река,
Мутная вялость в природе.
Стонет гудок на заводе.
Ангелы плачут. Тоска.

Черная Речка, 1914.

ДЕРЕВНЯ.

День мутный был рожден багряною зарей.
Но бледны небеса, клубятся, хмурясь, тучи.
По улицам немым, поросшим муравой,
Вздымаясь, пробежит и ляжет вихрь летучий.
За хатой, за плетнем, где вьется хмель ползучий,
С утра кружат грачи бездомною семьей:
Разорено ребят веселою ордой
Гнездо, хранимое березою плакучей.

В деревне—ни души. И хат пустых ряды
Белеются кругом под ветхою соломой.
Еще как бы в лучах предутренней звезды,
Властитель тыквами пестреющей гряды,
Подсолнечник цветет, склонясь к земле с истомой.
Молчат за хатами вишневые сады.
Не скрипнет воз вдали, медлительно влекомый
Волами серыми дорогой им знакомой.

На речке мельница не плещет колесом.
Тихонько трепеща, мерцая серебром,
О чем то шепчут ей раскидистые ивы.
Но ветер улетел на зреющие нивы.
Ширяют ласточки—примета:—пред дождем—
И чуть колеблется, их тронутый крылом,
И зыблется камыш безмолвный и пугливый,
С тоской припав к волне беззвучной и ленивой.

Ярошовка, 1884.

ВОЛШЕБСТВО.

В алом сумраке заката
По Неве плывем в ладье.
Впереди стоит палата
Вся в алмазах, вся в огне.

Путь прямой. Волна пылает.
И в палате блещут сны,
А в глазах твоих играет
Отблеск огненной волны.

Но зачем ты повернула
Руль капризною рукой?
Жизнь алмазная сверкнула
И погасла пред тобой.

И кошмаром нам знакомым
Без таинственных огней
Вдруг палата стала домом
В пять угрюмых этажей.

СПб. 1908.

ИЗ ВЕРЛЭНА.

Осенью скучной
Скрипки рыдают—
Сердце терзают—
Гонят покой
Однозвучной
Тоской.

Ожили снова
Тени былого—
Мертвые грезы:
Пробил мой час;
Льются слезы
Из глаз.

И я на воле,
В открытом поле,
А ветер злится—
И лист со мной
Сухой
Кружится.

Париж, 1912.

ОРГИЯ.

Не розы алели
На белых стеблях—
Огни пламенели
На светлых свечах;
В сверкающем зданье,
В саду золотом,
Под струн рокотанье,
Под клавишей гром—

В стаканах плясали
Алмазы вина;
И звезды кричали,
Что вечна весна,
И, в окна бросая
Лучистый свой смех,
Гирляндами мая
Венчали, лаская,
Пирующий грех.

Друскеники, 1910.

ЖАЖДА ВСЕВЕДЕНИЯ.

К светлым серафимам,
Пламенем объятая,
Зрящая в незримом,
Мысль парит крылатая—
И у трона Света
Светов несгорающих,
Грезами одета,
У духов, дерзающих
Петь Творца вселенной,
Ищет отрешения
От тоски блаженной,
От цепей томления.

Но томятся вечно
Сами Бестелесные
Жаждой бесконечной
Ведать неизвестное—
И, при них сгорая,
И, неутоленная,
Гаснет гостья рая,
Светом ослепленная.

1900.

ЭКСТАЗ.

Был мрачен летний небосклон,
И вдруг видением нежданным,
Со взором страстным и туманным,
Звезда упала на балкон.
В покровах огненно-лазурных
Она—как женщина была.
Дрожали розы у чела,
И смех дрожал в устах пурпурных.
Блеснул безгранно-знойный миг,
С звездой таинственно сплетенный—
И в миге вечность я постиг,
Дыханьем звездным опаленный.

Вас. Остр., 1906.

МОГИЛЬНЫЕ ЦВЕТЫ.

Душистые, прелестные—
Как милые головки
В красивые обновки
Наряженных детей,
Там, где могилки тесные
Становятся тесней—

Цветы растут, цветы цветут,
В затишье ароматы льют,
И плачут, неутешные,
О чем, о ком—не знают,
Трепещут и вздыхают
Всю ночь, весь долгий день.

Так грезы есть безгрешные:
Они стремятся в тень—
Стремятся в тень к дурным делам,
К дурным делам, и блещут там
Над ужасами тления,
Над мраком преступления.

Волково, 1890.

ТОЛПА.

Души великой заблужденья
И мрак ее грехопаденья
Толпа поймет, но не простит—
Ей ближе мрак, ей грех понятен,
Ее тревожит и томит,
Когда поэт, как бог, блестит:
Толпа на солнце ищет пятен.

1885.

ЛИСТЬЯ.

По аллеям носятся листья.
Дышит осень; срывает наряд
С золотых веселых деревьев—
И летят листья, летят!

Золотые носятся тучи
И над садом тревожно горят.
Но и с неба спадут покровы—
И летят тучи, летят.

С нашей жизни спадут покровы,
Наша жизнь обнажится, как сад...
Я смотрю назад, на былое—
И летят годы, летят...

Черная Речка, 1916

РЕКА ДРОЖАЛА...

Река дрожала
Вся в пламени опала.
Закат не гас—
То розовый, зеленый,
То синий и червленый—
И солнце, словно глаз
Бессонный,
Глядело из за туч,
Дробя свой луч
Печальный
В волне зеркальной.

Но вдруг, нестройный,
Протяжный, беспокойный,
Унылый хор—
То грозно вырастая,
То хрипло замирая—
Потряс речной простор,
Как стая
Залетных лебедей,
Как рой теней
Могильный—
В тоске бессильной.

Шли пароходы,
Шумели, пенясь, воды,
Смолк вой сирен.
Но краски волхвований,
Игры и трепетаний
Закатных перемен
В тумане
Поблекли, как мечты.
Нет красоты.
Не стало
Огней опала.

Во мгле победной,
Таинственный и бледный,
Чуть таял звук
И, рея над волнами,
Дрожащими крылами
Чертил за кругом круг,
С тенями
Сливая жизнь свою
В немом краю
Молчанья
И угасанья.

Черная Речка, 1903.

СМЕРТЬ ЦАРЯ ЗЕМЛИ.

Пришел он, старец величавый.
Кто он—Бог весть; с своей сумой,
В одежде бедной и дырявой,
Пришел на берег он морской—

Тяжелый посох уронил—
И молча он возлег на камень,
И взор, где гаснул жизни пламень,
В лазурь безгранную вперил.

Морская даль не серебрилась,
И знойный воздух не дышал.
Над ним, как ангел, проносилась
По небу тучка. День сиял.

Как царь непризнанный земли,
В одежде бедной и дырявой,
С сумою, с посохом, в пыли,
Он умер гордый, величавый...

Одесса, 1888.

ПОЛЬСКОЕ.

Мой предок был рыцарь надменный
И доблестью ратной сиял.
Он в храме смиренно молился,
Но враг перед ним трепетал.

Ходил он ко Гробу Господню,
И ссорился он с королем,
И вешал жидов и вассалов
В наследственном замке своем.

Недавно страну посетил я,
Где предок разбойничал мой,
Где высятся башни седые,
Поросшие сорной травой.

Уж вечер спустился. Вошел я
С тревогою в замок; и там
Сурового предка увидел,
Шагал он по звонким плитам.

Он руку в перчатке железной
С надеждою мне протянул,
И сквозь золотое забрало
В глаза искрометно взглянул.

И начал, на меч опираясь,
Туманные речи шептать
О чем то великом и давнем...
Их смысла не мог я понять.

Молчал я. И призрачный рыцарь
От гнева рассыпался в прах.

Свет лунный струился из окон,
Играя на мрачных стенах.

И, к трещинам каменных башен
Склоняя вершины свои,
Деревья шумели. И где то,
Далеко журчали ручьи.

Покинул я замок угрюмый.
Сердитые тени толпой,
Бледнея, меня провожали—
Навеки прощаясь со мной.

Вильна, 1884.

МЕЧТЫ.

Трава, чуть от земли, мечтает,
Что будет лугом наконец;
Ручей—что моря он творец;
А мудрый зверь заране знает,
Что он творения венец;
И, хоть дрожит уже от страха,
Но—искрой пляшущего праха—
Конечный в бесконечность мост—
Войдет в семью грядущих звезд!

1918.

МЕЧАМИ ОПОЯСАНЫ...

Вблизи проселка пыльного
Блистает, что жаровня,
Лампадами часовня
Дубовая, старинная.

Два белые—в той храмине,
От века нерушимы,
Святые серафимы
В крылатом златопламени.

Великие, нетленные;
Как звезды—на дороге;
Приветливы и строги,
Письма неизреченного.

Мечами опоясаны,
Как светом Божьей славы,
На хлеб, леса и травы
Очами смотрят ясными.

Хранители небесные
Крестьянского простора
От голода и мора
И вражьего нашествия!

Валдай, 1892.

АРФА.

Подобен арфе небосклон,
Когда горит звездами он.
Небесных струн неслышен звон,
Но, кажется, что если к ним
Воздушный странник—херувим
Вдруг прикоснулся бы крылом,
Услышала-б земля псалом,
Чарующий, как песнь волны,
Как звука дремлющего сны
На зыбком лоне тишины.

Горская, 1910.

В ГОРАХ.

В глубокой тьме немых кустов
В горах поет вода.
Вечерняя звезда
Взошла. Иду среди цветов.

Я слышу стук тупой свинца
С враждующих высот.
За мною тень идет
Прозрачным шагом мертвеца.

Закавказье, 1915.

СОН.

Я видел сон печальный.
Равнину золотил
Зари пожар прощальный,
И, бледносиний, плыл
Туман над степью дальней,
Где месяц восходил.

Прибрежная плескалась
У ног твоих волна...
И ты была одна...
И к берегу склонялась,
Уныла и бледна.

Я с тихою мольбою
К твоим рукам припал,
И плакал, и рыдал,
Неузнанный тобою.

Как в небе отблеск дня,
Твой гаснул взор туманный—
Без жизни, без огня—
И волновал меня
Тоскою несказанной.

Я к жизни не воззвал
Твой образ помертвелый.
Клубясь, как саван белый,
Туман над морем встал,
Над степью онемелой.
Шумел пустынный вал.

Евпатория, 1883.

МОЛОДОЙ МЕСЯЦ.

На границах неба и земли
Тучи пламенные расцвели,
И на них, как царь на пышном троне,
Солнце блещет в золотой короне.

Но прорезал месяц молодой
Небосклон над тусклою водой
И, в воде туманно повторенный,
Ждет престола, солнцем озаренный.

Ночи ждет, чтобы зажечь венец
Царский над собою, наконец,
Оградиться грозными тенями
И царить над трепетными снами.

СПб., 1916.

УГРЮМЫЙ САД.

Угрюмый сад заснул,
И ночь наводит страх...
Молчание и тьма
В погасших небесах.

В погасших небесах
Погас последний луч—
Никто не смотрит вниз
Из за нависших туч.

Нет ангелов святых
На девственных крылах
И мрачных духов зла
В погасших небесах.

Угрюмый черный сад,
Застывший в черных снах,
Раскинул свой кошмар
В погасших небесах.

1890.

ЧУЕТ.

Хвост трубой, спина дугою,
Желтые глаза;
В них горит испуг с тоскою,
Пламень и гроза.

Видно, зверь мой гостя чует:
Призрак за окном;
Тень безумная кочует
В сумраке ночном.

1917.

ГАЗЕЛЛА.

За горами, за лесами
Мечут белыми дымками
Сны летучие—
Поезда за поездами.

Люди с грустными мечтами
За мелькающими снами
С каждой станции
Жадными следят глазами;

Озаряются огнями,
Украшаются цветами,
Смотрят—не насмотрятся—
И встречают сны толпами.

Сны ж хрустальными звездами
Мчатся в даль, тоскуют сами
В дымном облаке
И сливаются с тенями.

1916.

НА БЕРЕГУ.

Над чертой лазурной дали
Тучи алые стояли.
Шли фелюги рыбаков.
Море в берег ударяло.
Солнце в грани облаков
Золотые нити впряло.
На мозаике прибрежной
Рассыпался белоснежной,
Нежной пеной шумный вал—
И тела купальщиц смуглых
Шаловливо обдавал
Пригоршнями перлов круглых.

Батум, 1915.

СГОРЕЛА.

Пламя девственной ласки
Мечте расточая,
Внемля шопотам сказки
Чудесного мая,
В знойном теле сгорела,
Забвенье венчая,
И покинула тело
Душа молодая.

Чернигов, 1877.

ТЕНИ.

I.

Шумит, шумит мой старый сад.
Луна осенняя блистает,
И тени мрачные дрожат,
И тень за мной, как друг шагает,
Друг неразлучный, вечный друг,
Со мной незнающий разлада:
И в сердце зыблется испуг—
И чутко внемлю шумам сада.

II.

Друг мой неразлучный, друг мой неотвязный—
То плетется сзади, то бежит вперед,
То высок, то низок, непохожий, разный—
И, когда я светел, он, как ночь, ползет.
Если я тоскую в спальне в час бессонный,
Если надо мною не пылает день,
Он ютится в сердце, друг неугомонный,
Темный, молчаливый, вечной тени тень.

1918.

МИР.

Блестят твердыни
Предвечных гор,
Спокоен синий
Морской простор.

Свободны тропы:
Внизу овраг,
Вверху окопы
Покинул враг.

Во тьме ущелья
Бьет водопад...
На новоселье
Орлы кричат.

Борчха, 1915.

ДОЖДЛИВЫЙ ВЕЧЕР.

За дождем, за сеткою туманной
Зыблется теней угрюмый ряд,
И сегодня призрачно и странно
Окна их печальные горят.

Не дома, а будто сновиденья,
И огни во мгле седой дрожат.
Вот еще, еще одно мгновенье,
И в безгранность тени улетят.

Настоящее прошедшим станет,
Будет рай или туманный ад—
В вечность жизнь, как этот вечер, канет...
Сновиденья скоро догорят.

1913.

В СЕНЯХ.

. . . . . .

Не сразу я, войдя чрез сени,
Тебя в окне узнал по тени;
Сквозь лед узорный на стекле,
Сиявший розовым опалом,
Прочел я на твоем челе—
Поникшем, грустном и усталом—
Укор, залегший меж бровей,
Любви остынувшей моей.

1890.

ФОНАРЬ.

Бредет чета теней
Влюбленных приведений,
Под сводами ветвей,
В блаженном сне томлений.

Качается звезда
Во мгле туманов сонных:
Блаженная чета
Несет фонарь влюбленных.

Куокала, 1916.

ПОТУПЛЕННЫЕ РЕСНИЦЫ.

В обычный смысл речей
Избранник твой случайный
Немой игрой очей
Намек вплетает тайный.

Вечерний близок срок,
Вернулись в гнезда птицы,
Молчишь ты, как цветок,
Потуплены ресницы.

1888.

РОПОТ.

Серебряной парчею
Блестят громады гор;
Над городом сожженным
Раскинут их шатер.

Поругана и вянет
Лимонных рощ краса,
Громами перекатно
Грохочут небеса.

Угрюмо над горами
Кочуют облака...
И ропщет, низвергаясь
С крутых высот река.

Я издали внимаю
Бунтующим речам.
Пристать корабль не смеет
К пустынным берегам.

Хопе, 1915

ГРЕХ.

Тяжел наш грех, преступны мы
И умираем.

Но мрак греха, но пламя тьмы,
Что перед раем?
Зачем нам рай, зачем нам свет
Небесной грезы?
Без слез, без мук блаженства нет—
Пусть льются слезы.

Бологое, 1838.

МЕТЕЛЬ.

На белых крыльях ангел летел
И тосковал, и рыдал—
И видел он груды мертвых тел—
Братьев своих узнавал.

Крылатые погибли в борьбе—
В битве неравной с врагом.
Проклятие их мрачной судьбе—
Спят они мертвенным сном.

Их руки не грозят небесам—
Крылья протянуты в даль...
Нет в сердце мщенья злобным врагам—
В сердце немая печаль.

Псков, 1906.

ЗНАЮ КТО.

Вхожу на пир—средь новых лиц
Искать тебя мой взор не смеет,
Но знаю, кто молчит, бледнеет,
Чей глаз полночный пламенеет
В тени опущенных ресниц,
Чей дрогнул стан воздушный, нежный,
Чье сердце носит образ мой
И, как грозы цветок немой,
Так ночи ждет оно иной—
Стыдливой, грешной и мятежной.

1888.

ПОМНЮ.

Помню—золото тумана,
Аромат немых цветов,
Ропот сонного фонтана,
Ропот робких соловьев...
Боже, первое свиданье!—
Быстролетный луч луны—
Томных молний трепетанье
И дыхание весны!

Чернигов, 1876.

ВЫБИРАЙ!

Если ты певец—не воин,
Пой, мы слушаем тебя,
Ты, как царь, венца достоин.
Ясный стих твой возлюбя,
Лавром мы тебя венчаем,
Как героя величаем!

Если-ж—воин, нет, не пой,
Усыпи врага молчаньем—
Помни—будет смертный бой!
Струн коварных трепетаньем
Наших тайн не выдавай...
Меч иль струны—выбирай!

1879.

ГЕНИЙ ДОБРА И ЗЛА.

Добра и зла бесстрастный гений—
На мир он холодно глядит.
Не внемлет он тоске молений,
Улыбкой мир не озарит.

Следит он битв земных смятенье,
Страстей преступных низкий спор,
Души божественной томленье—
Его не вспыхнет строгий взор.

Он презирает мир унылый
И жизнь непрочную, как сон.
И реет образ бледнокрылый
Сквозь сумрак призрачных времен.

1880.

ЦВЕЛА, КАК СОН...

Цвела, как сон, моя весна,
Я вышел в сад—и там она,
И шепчет: „сон, волшебный сон!
Как счастлив он, как светел он!“

И жизнь моя прошла, как сон.
Я вышел в сад—и мрачен он;
Я вышел в сад—и не весна,
А смерть в саду, подруга сна.

1894.

МОНАХИНЯ.

С великолепными глазами
Все та же сонная душа,
Но по иному хороша:
Уже знакомая с бичами
Угрюмо пламенных грехов,
Взлелеянных в груди лилейной
В монастыре во тьме келейной
Под звон святых колоколов.

Москва, 1893.

ТАМ.

Иду чрез лес,
И мнится, я—во сне.
Цветная тень
Ложится на ущелья,
Поют цветы
И птицы гимны мне.
Вершины гор
В тумане и огне,
Ручьи полны
Гремучего веселья.

Макреалы, 1915

ЗВЕЗДЫ СТРАСТНЫЕ.

В урагане гремучих созвучий
Огнецветный дрожит небосклон,
Пали молнии в черные тучи,
Озарили мечтами мой сон.

Ах, летят мне навстречу, как прежде,
Звезды страстные с жадным лицом
В светозарной, как пламя, одежде,
С обнаженным крылатым плечом.

Ораниенбаум, 1892.

КАК ПРИЗРАК...

Как призрак воздушна,
Пришла и ушла—
К добру равнодушна,
Не ведая зла,
Без слез, без участья,
Как свет хороша,
Бесплотное счастье,
Немая душа.

Курск, 1892.

СИРЕНА.

Мы вытащили сети.
Блестит в сетях сирена,
Поет любовно: „Дети,
Блаженны сети плена“!

То было на рассвете;
Вдруг, повела плечами,
Хвостом прорвала сети
И скрылась под волнами.

1894.

ОДАЛИСКА.

Длинный очерк очей,
И в них отблеск мечей.
Бронзовость плеч.
Гордая речь.

Стан покорен устам,
Сердце верно словам:
Вечно любить—
Или убить.

Батум, 1915.

ЕВА.

Тобой истерзанная, пряная,
Гвоздика пахнула. Цвела
Улыбка на губах туманная...
И ты молчала и ждала.

Пионы, розы и цикламены
Застыли в знойной тишине.
И на крыльце беседки каменной
Свернулся уж в магнитном сне.

Из сумрака, к себе зовущего
В беседку, веял жгучий страх—
И я не смел ковра цветущего
Разнять портьеры на дверях.

А было все в тебе так молодо,
И рдел под бременем венца
Волос, блиставших словно золото,
Овал склоненного лица.

Париж, 1912.

КОНЦЕРТ.

В таинственных преображеньях
Рой звуков в волшебных томленьях
Слетает с колдующих рук,
И чары неведомых мук

В душе моей странно-печальной
Бушуют волною кристальной,
И в радужном кружеве снов,
Сплетенных из песен без слов,
Паук золотой вдохновенья
В века превращает мгновенья,
В поэмы о звездных лучах,
О молниезарных цветах,
Которые ангел, над нами
Незримо колебля крылами,
Бросает, как струнные сны,
Из занебесной страны.

СПб., 1915.

Я ПОБЕЖДЕН.

Я побежден—душа моя томится.
Былых надежд рассеялся туман.
И бой погас—и только кровь дымится,
Дымится кровь, струясь из ран.

Да в небесах, бесследно исчезая,
Плывет и меркнет тучек бледный рой—
Последний вздох, последний отблеск рая,
Мираж, взлелеянный мечтой.

1882.

НОВЫЙ БОГ.

Дерзновенный Бог исканий,
Вдохновений и труда,
Светозарных упований
Путеводная звезда.

Грезы создал он и краски
В тучах влажных преломил;
И пленительные сказки
В строки стройные сложил.

Гордый, юный, светлоокий,
Весь он в радужной игре—
Отыскал добро в пороке,
И клеймит он зло в добре.

Он внимает равнодушно
Клеветам своих врагов
И бежит от пляски душной
Современных мертвецов.

Бог поэзии, свободы,
Бог, рожденный не в крови,
Обнимающий народы
И воскресший для любви!

1919.

ВОЛНЫ,

У ног моих волна рыдала,
Волна теснилась за волной.
И пена белая сверкала,
Вдруг вырастая предо мной
Толпой наяд воздушно-стройных
С тоской в очах, как полдень, знойных.

Я видел очерк бледных тел,
Я видел трепет уст прекрасных.
Мне голос робкий томно пел
Под плеск протяжный волн согласных,—
Но что—привет, любовь, укор?—
Ревниво скрыл морской простор.

Кремнистый берег, высыхая,
С своих камней волну стряхал—
И вал назад бежал, вздыхая,
И вновь, рыдая, вырастал
Толпой наяд воздушно-стройных
С тоской в очах, как полдень, знойных.

Одесса, 1887

СЕКСТИНА.

Не знаю, почему слеза туманит взор...
Иль черных дней, мой друг, забыть нам невозможно?
И восстает в душе язвительный укор—
Развеян сон любви, как тень ночная, ложный!?
И ненавистен нам невольный наш позор?
Мы встретились—и вот молчим с тоской тревожной!

Забыть нет сил! Забыть что было—невозможно.
И помню время я: сиял твой милый взор
Беспечной радостью. То не был—призрак ложный!
Ужель могли мы ждать, что горе и позор
Любовь нам принесет?.. Но мчится миг тревожный,
И сердце сердцу шлет язвительный укор!

Да, сердце сердцу шлет язвительнй укор!
Туман любви исчез, изменчивый и ложный,
И, как темничный страж, склонился к нам позор
И речью дерзкою спугнул наш сон тревожный.
Я знаю, почему слеза туманит взор
И—знаю, прошлое забыть нам невозможно!

Иль, может, место есть в груди надежде ложной?
Награда за любовь—паденье и позор!
Напрасно в даль глядим—и там в дали тревожной,
Как перекатный гром, нам чудится укор.
Мы были счастливы, но счастье невозможно.
Куда же обратить нам безнадежный взор?

Не к небу-ли? Оно покроет наш позор,
И грезы чистые заменят сон тревожный.
Разгневанных небес недремлющий укор
Молитвой жаркою смягчить еще возможно.
Подымем к небесам смелей греховный взор—
Там веры яркий свет один горит неложно!

Дай руку мне, дитя! Души твоей тревожной
Отныне не дерзнет смутить ничей укор.
И пусть рассеется, как дым, как призрак ложный,
Как навожденье, гнетущий нас позор.
Забудем прошлое—с молитвой все возможно!
Но почему же вновь слеза туманит взор?

Киев, 1888.

ВЕЧНОСТЬ.

В пространствах сумрачных летят
Миры к безвестной цели—
Сегодня блещут и горят,
А завтра—потускнели.

Кипела жизнь, как сон прошла,
Погасли сновиденья—
Над всем царит седая мгла
Бесстрастного забвенья.

Как муравьи, хлопочем мы
И, как они, бессильны—
Рассеять тайны вечной тьмы,
Развеять мрак могильный.

Что там за гранью роковой
Неведомого мира?
Молчит мудрец, поник главой,
Певца безгласна лира.

Но мы всю жизнь ответа ждем—
Мы рвем покров с тумана,
Мы грезы сами создаем,
И жаждем мы обмана.

И мы с тревогою глядим
На быстрый бег мгновений—
На смену лет, на пестрый дым
Наивных заблуждений.

А тьму грядущего таит
Немая бесконечность—
И у загробных тайн стоит
Угрюмым стражем вечность.

1888.

КЛАДБИЩЕ.

Утро. Предо мной в мертвенном покое
Расстилается кладбище немое.
На крестах его яркий свет горит.
У ограды ель, словно страж, стоит.
Плачет, наклонясь, трепетная ива.
Дремлет вечным сном, дремлет Божья нива.
Сладостной тоской мой взволнован дух.
Я иду—растет напряженный слух.
Меж надгробных плит шелест пронесется—
И в груди моей сердце встрепенется.
Шепчут мертвецы из могильной тьмы:
„Друг, ты одинок, молчалив, как мы!

К нам, в приют немой сумрака, прохлады
Ты пришел искать отдыха, отрады.
Радостный покой мы тебе дадим:
Твой мятежный ум грезой усладим.
Жаждешь ты любви, нежной дружбы, ласки—
О любви теней мы расскажем сказки".

Киев, 1887.

В ТУРГАЙСКИХ СТЕПЯХ.

Еду степью омертвелой,
Бесконечной, ровной, белой.
Тускло блещет кругозор.
Утомленный гаснет взор.
Вон степной игры причуды:
Вон мираж—идут верблюды...
Или нет их: слышу стон
На яву, сквозь зимний сон;
Словно стонет ветер дальный,
Обессиленый, печальный...
Замирает степь в тоске.
Смерть сидит на облучке—
И над тройкою шальною
Машет страшною косою.

Орск, 1912.

ТУМАН.

Скрыв небеса за пологом седым,
Над городом встает, клубясь как дым,
Густой туман. Во мгле осенней ночи
Дрожат огни. Уж поздно. Я иду,
И мгла, как сон, мои слипает очи.
Но путь знаком—домой я добреду.
Мой уголок уютен, скромный, бедный.
Там, наклонясь к работе, за столом
Жена сидит и шьет рукою бледной,
И ждет меня в безмолвии ночном.
В мечтах я не могу себе представить
Ее неласковой! В ней—красота
Небесная. И ей зачем лукавить?
У ней душа ребенка. Доброта—
В очах ее больших, огнистых, черных—
И две косы змеятся непокорных
Вдоль белых плеч и рукавов узорных...
Увы! что если только это сон?
Домой приду—и вдруг погаснет он—
И призраком мелькнет неуловимым,
И к небесам взовьется легким дымом?

Киев, 1887.

ЗАЛЕТНЫЙ ЛУЧ.

Блеснул с небес, сквозь полог зыбкий
Неугомонного дождя,
Залетный луч, немой улыбкой
Цветник склоненный золотя—
И вспыхнул в пальчиках игольник
Граненой искрою на миг,
И золотой прямоугольник
Лег на полу у ног твоих.
Невинный взор с канвы узорной
Ты подняла, вперив в меня...
Дробился ливень непокорный
В снопах небесного огня.

1919.

ПОЛЕ БИТВЫ.

Еще лилась из знойных ран,
Чернела кровь и тускло стыла.
Луна багряная всходила,
Вставал и зыблился туман.
В бреду стонало поле битвы,
Гремели выстрелы вдали,
Молчали в рощах соловьи,
В окопах гаснули молитвы.

1915.

ЛУННАЯ ФАНТАЗИЯ.

Луна в лазурных небесах
Жемчужным блеском колдовала,
Смотрясь в залив, дробясь во прах
В стекле мятущегося вала.
Кружились пары, как во сне,
В сияньи отражений лунных
На палубе, на корабле,
Под плавный звон мелодий струнных.
Стопой воздушною скользя,
Цветок пленительный и гибкий,
И ты кружилась, в белом вся,
Вся озаренная улыбкой.
Но тщетно я ловил твой взор—
О, светозарное виденье:
Ушел корабль в морской простор,
И вальс погас в немом томленье.

Стокгольм, 1912.

ТРЕПЕЩЕТ СУМРАК...

Трепещет сумрак вечной ночи,
Огнем охвачен древний трон,
Предел небесных полномочий...
И ужас власти потрясен.—

Цареубийц погасли очи,
Но их воскреснет светлый сон:
Где рухнул дуб, грозой спаленный,
Сад скоро зашумит зеленый,
Свободным солнцем озаренный.

1881.

СНИЛОСЬ МНЕ.

Снилось мне, что темным утром
Возвращаюсь я домой.
Окна тусклым перламутром
Косо блещут предо мной.
Дом не дом, а привиденье.
Я вхожу с тревогой в дом.
В зале холод запустенья
И печать тоски на всем.
На портретах, на картинах,
На разбитых зеркалах
И на мебелях старинных
Густо лег могильный прах.
Я иду, зову я друга—
Ту, что небом суждена:
И молчит в цепях испуга
Гробовая тишина.

Черная Речка, 1919.

ДОМ.

Проснется покинутый дом—
И люстрами в сумраке блещет;
И в лунной истоме трепещет
В нем музыки призрачной гром.
Камины—в холодном огне,
В столовой приборы пустые,
И тени мелькают седые
По залам в загадочном сне.

1919.

ПРОЙДЕН ПУТЬ.

Где даль—чуть мерцая, летела,
Предела не зная,
Жила и безумно горела
Звезда молодая.
И гордо она расточала
И блеск свой, и пламень,
И на землю в полночь упала
Без жизни, как камень.
Но днем лучезарные грани
Вдруг в камне взыграли
Зарницами воспоминаний
О пройденной дали.

1919.

СОДЕРЖАНИЕ.

I. Интродукция ... 2
II. Звезды ... 5
III. Элегия ... 5
IV. Поэту (*Н. М. Минскому*) ... 6
V. Портрет ... 6
VI. Фавн ... 7
VII. Вальс (*Ф. Ф. Фидлеру*) ... 8
VIII. Туманные дни (*Е. Я. Ласман*) ... 9
IX. Давнее ... 9
X. Бессонница ... 10
XI. Тень ... 10
XII. Море (*Л. Ф. Лагорио*) ... 11
XIII. Дача ... 11
XIV. Полночь ... 12
XV. Огород ... 13
XVI. Я люблю их ... 14
XVII. Конец дня ... 15
XVIII. Деревня (*В. П. Горленку*) ... 15
XIX. Волшебство ... 16
XX. Из Верлэна ... 17
XXI. Оргия (*Т. К. Домашевской*) ... 18
XXII. Жажда всеведения ... 19
XXIII. Экстаз ... 20
XXIV. Могильные цветы ... 21
XXV. Толпа ... 22
XXVI. Листья ... 22
XXVII. Река дрожала ... 23

XXVIII. Смерть царя земли ... 25
XXIX. Польское ... 25
XXX. Мечты ... 27
XXXI. Мечами опоясаны ... 28
XXXII. Арфа (*А. А. Измайлову*) ... 29
XXXIII. В горах ... 29
XXXIV. Сон ... 30
XXXV. Молодой месяц ... 31
XXXVI. Угрюмый сад ... 32
XXXVII. Чует ... 32
XXXVIII. Газелла ... 33
XXXIX. На берегу ... 34
XL. Сгорела. ... 34
XLI. Тени. I—II ... 35
XLII. Мир (*А. И. Куприну*) ... 36
XLIII. Дождливый вечер ... 36
XLIV. В сенях ... 37
XLV. Фонарь ... 38
XLVI. Потупленные ресницы ... 38
XLVII. Ропот ... 39
XLVIII Грех ... 39
XLIX. Метель ... 40
L. Знаю кто ... 41
LI. Помню ... 41
LII. Выбирай (*А. О. Новодворскому*) ... 42
LIII. Гений добра и зла (*А. А. Козлову*) ... 42
LIV. Цвела, как сон... ... 43
LV. Монахиня ... 44
LVI. Там ... 44
LVII. Звезды страстные (*П. В. Быкову*) ... 45
LVIII. Как призрак (*М. Н. Дубровиной*) ... 45
LIX. Сирена (*Яше Ясинскому*) ... 46
LX. Одалиска ... 46
LXI. Ева ... 47
LXII. Концерт (*Ѳ. Г. Гогелю*) ... 47
LXIII. Я побежден ... 48
LXIV. Новый Бог (*Зое Иер. Ясинской*) ... 49
LXV. Волны ... 50
LXVI. Секстина ... 51
LXVII. Вечность ... 53

LXVIII. Кладбище 54
LXIX. В Тургайских степях 55
LXX. Туман 56
LXXI. Залетный луч (*Кл. И. Степановой*) 57
LXXII. Поле битвы 57
LXXIII. Лунная фантазия 58
LXXIV. Трепещет сумрак 58
LXXV. Снилось мне... 59
LXXVI. Дом 60
LXXVII. Пройден путь (*В. Т. Кириллову*) 60

(20)
7.50
704839
286

17774/88

Кн. маг. изд-ва
ГУСМП
цена 3 р.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Иер. ЯСИНСКОГО:

Книга любви и скорби. 1919. Цена **3** р.

Воскреснувшие сны. 1918. Ц. **2** р. **40** к. *(Изд. Петрогр. Совдепа).*

Последний бой. 1918. Ц. **1** р. **50** к. 2-е изд. Ц. **1** р. **50** к. *(Изд. Петрогр. Пролеткульта).*

В ПЕЧАТИ:

На земле.

Девственница. Поэма *Вольтера.*

Искры.

Озаренный склеп.

СТИХОТВОРЕНИЯ. Изд. 6-е. 1919. Ц. **4** р. **50** к.

336
№ 3

17-я Госуд. тип., 7 рота. 26.

HECKMAN
BINDERY INC.
MAY 90
N. MANCHESTER,
INDIANA 46962

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
0000492012 5